

**ЗАПИСКИ
КАМПАНИЯ 1826 ГОДА.
ИЗ ЗАПИСОК ГРАФА СИМОНИЧА.
ОТ РЕДАКЦИИ.
ГРАФ ИВАН ОСИПОВИЧ СИМОНИЧ.**

Автор предлагаемых записок родился в гор. Себенико в Далмации. После присоединения его родины к Франции по Шенбрунскому договору 1809 года, Симонич вступил в ряды наполеоновских войск и в 1812 году, в чине капитана корсиканского батальона, участвовал в русском походе. В сражении под Красным он был взят в плен и отправлен на жительство в Казань. Там красивая его наружность, образование, живость характера и славянское происхождение приобрели ему симпатию и покровительство местного дворянства. Первый Парижский мир (30-го мая 1814 года) дал Симоничу право возвратиться на родину; но в это время Далмация вошла в состав Австрии, и потому Симонич, не желая служить австрийскому правительству, попросился в русскую службу. Желание его было исполнено. В 1816 году поступил он капитаном в Кременчугский пехотный полк, а в 1818 году, с производством в майоры, переведен в один из егерских полков, отправленных на Кавказ. В 1822 г. Симонич получил в командование батальон Грузинского гренадерского полка, а через три года, в чине подполковника, назначен командиром этого полка. С храбрыми грузинцами участвовал он в походе против джарцев (1822 года) и в Елизаветпольском сражении 13-го сентября 1826 года. Здесь получил он в левую ногу тяжелую рану, сделавшую его хромым на всю жизнь. Видное участие его в этом сражении доставило ему орден св. Георгия 4-й ст. После излечения раны, он участвовал с своим полком в персидской кампании 1827 года и во всех выдающихся делах турецкой войны 1828-1829 гг. [2]

Симонич, пользовавшийся расположением Ермолова, нашел способ понравиться и Паскевичу. В 1830 г. он был произведен в генерал-майоры и вскоре (в 1833 г.), по рекомендации князя Варшавского, назначен нашим министром в Персии. При его участии состоялась выдача русско-польского батальона, Для этого Симоничу пришлось отправиться под Герат, который осаждали персидские войска в 1838 г., под личным предводительством шаха. В том же году Симонич был отозван из Персии. Паскевич, всегдашний его покровитель дал ему место коменданта Варшавской цитадели. Скончался он в Варшаве в конце сороковых годов от последствий падения из экипажа.

Н. Н. Муравьев, хорошо знавший Симонича во время его кавказской службы, называет его человеком храбрым, доброй души, чадолюбивым отцом, но нераспорядительным и дурным полковым командиром, извлекавшим всеми способами выгоды из вверенной ему части (Записки Н. Н. Муравьева в Русском Архиве, 1893 г., Т. 324, 325, 436; 1994 г. т. 53. Сведения о деятельности Симонича в Персии, находятся в актах Кавказской Археографической Комиссии, т. VIII и IX, и в воспоминаниях ген.-лейт. Бларалберга, изданных в 1872-75 г.г. на немецком языке в Берлине.)

Печатаемые ныне в русском переводе записки графа Симонича были написаны им на французском языке, которым автор владел свободнее, чем русским. Оригинал их хранится в Военно-ученом архиве Главного Штаба. Симонич закончил их в Варшаве 1-го ноября 1847 года, где он служил тогда под начальством князя Варшавского. Как видно из предисловия, автор хотел предать их печати, чтобы восстановить в истинном свете те события, которых он был свидетелем и участником. Желание это не могло,

конечно, осуществиться без ведома князя Паскевича и потому автору волею-неволею приходилось считаться с мнением могущественного и крайне самолюбивого фельдмаршала. Он должен был умолчать о некоторых событиях, смягчить отзывы о других и украсить свой рассказ лестными отзывами о военных талантах Паскевича, обнаруженные им в кампании 1826 года. Такое мнение авторитета Паскевича проявляется особенно ярко в описании центрального события этой кампании, — значительного елизаветпольского сражения 13-го сентября 1826 г. [3]

Симонич признает, что сражение это было выиграно, благодаря испытанному мужеству кавказских войск, не знающих невозможного при таких начальниках, как князь Мадатов и Вельяминов; но при этом он выражает также свое удивление пред величием духа Паскевича, мудростью его распоряжений и важностью изобретенного им боевого порядка, начавшего собою новую эпоху в развитии военного искусства.

Для надлежащей оценки этого важнейшего отзыва о роли Паскевича в день 13-го сентября 1826 года, достаточно сопоставить его с первоначальным мнением самого Паскевича о ходе елизаветпольского сражения. Вот как день 13-го сентября записан в его интимном дневнике (Дневник напечатан князем Щербатовым в биографии Паскевича, том II, приложение, стр. 74 и 88.), в котором он исключительно для собственного сведения. «Неприятель атаковал. Я бросился в резерв, дабы заставить его идти, и насилу мог его подвинуть. Сохрани Бог быть с такими войсками в первый раз в деле. Оба фланга мои обойдены; я только и смотрел, чтобы *terrier panique* (панический страх) не сделался. Я на левом фланге поставил шесть орудий и полу-батальон Херсонского полка и тем взял их (персиян) атакою во фланг. Увидев, что пехота их пустила батальный огонь против второй линии, я подвел три дивизиона драгун и атаковал их во фланг. Войска храбры, но не стойки; вторая линия не выдержала двадцати ядер и смешалась с первой. Ширванский батальон, ударив в штыки, прорвал их линию, другие поддерживали. Генерал Вельяминов это приказал. Мадатов мне соврал, что это он. Но тут все распоряжения кончились, ибо войска, гнавшись за неприятелем, разбрелись, а генералы не умели собирать их. Я смотрел на всех пунктах что делается, и видя, что еще дерутся, остановил бы центр. Я приехал на центр и не мог 600 человек собрать пехоты. Если бы неприятель имел резерв, то мы могли быть разбиты, ибо наш центр, гнавшись, совершенно был рассеян, когда наши фланги, еще обойденные, дрались с неприятелем. Хотя фланги еще были совершенно обойдены, Мадатов приехал поздравить с победою».

Из этих откровенных признаний видно, что не Паскевич был руководителем боя 13-го сентября, а инициатива частных начальников, [4] увлекавшая его против воли, дала ему блистательную победу. Атака в центр армии Аббас-Мирзы, решившая исход елизаветпольского сражения, была предпринята без его ведома, и он сам говорит, что остановил бы ее, если бы мог, так как наши фланги еще дрались с неприятелем.

**ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА.
КАМПАНИЯ 1826 ГОДА.
ИЗ ЗАПИСОК ГРАФА СИМОНИЧА.
(Перевод с французского).**

До сих пор мы не имеем полной истории последней русско-персидской войны. Изданный в С.-Петербурге «Военно-энциклопедический лексикон» содержит в себе несколько отдельных статей, касающихся этой кампании, но их авторы черпали свои

сведения, по-видимому, из источников, не заслуживающих доверия, так как большая часть статей преисполнена ошибок. Укажу для примера на две наиболее значительные статьи: Войны с Персии (Персидская война в царствование императора Николая) и Елизаветполь. В неправильности сообщаемых здесь сведений можно убедиться из последующего моего рассказа.

Желая изложить события, до сих пор малоизвестные, так как они в действительности происходили, и вместе с тем показать, какого закала были те люди, которые в достопамятный 1826 год служили России в этой отдаленной части ее обширной территории, — я решился извлечь из своего архива часть составленных мною записок.

Для характеристики того духа, который господствовал тогда в кавказских войсках, достаточно вспомнить имена офицеров, командовавших полками при открытии персидской войны. Это были в гренадерских полках: полковники Муравьев, Попов и подполковник граф Симонич; в [2] пехотных полках: полковники князь Севарсамидзев, князь Бебутов, князь Абхазов, Ковалев, Авецариус, Реут, Мищенко, Сорочан, подполковники Зверев, Флиге, Лисаневич; в кавалерии: полковник Шабельский.

Варшава. 1-го ноября 1847 года.

Когда в 1826 году первые слухи о вторжении персиян в наши пределы распространились по Европе, они были встречены с полным недоверием. Действительно, силы обеих сторон были так несоразмерны, что никто не хотел верить, чтобы Персия дерзнула вступить в борьбу с русским колоссом в тот момент, когда он, будучи в мире со всеми державами, мог свободно располагать своими силами.

В России причину войны видели в честолюбии знаменитого генерала, командовавшего в то время войсками на Кавказе. Господство этого мнения парализовало те меры благоразумия, которые генерал Ермолов не замедлил бы принять при иных условиях. Между тем, в действительности, война была неизбежна и вовсе не зависела от большей или меньшей степени умеренности в сношениях Ермолова с персидским правительством.

Для доказательства правильности этого воззрения, обратимся назад к эпохе заключения мирного договора в Гюлистане.

Несмотря на победы бессмертного Котляревского при Асландузе и Ленкорани, мир 1813 года не был бы заключен без могущественного влияния тогдашнего английского посла в Персии сира Гор Узелея. Но и ему удалось сломить упорство шаха только обещанием, что английское правительство выхлопочет у императора Александра возвращение Талышинской и Карабахской провинции, уступленных шахом России по этому договору.

В 1817 году генерал Ермолов, прибывший в Персию в звании посла, объявил тегеранскому кабинету, что Россия [3] не уступит ни одной пяди из приобретенной территории. Только тогда Фет-Али-шах, разочаровавшись окончательно, в надежде, которую он до тех пор питал, начал поддаваться внушениям о необходимости нового разрыва с Россией. Во главе партии войны стоял шахский сын и наследник престола Аббас-Мирза-наиб-султан. Начальствуя прекрасною армиею, устроенною по европейскому образцу, он считал себя непобедимым. Местные и иностранные царедворцы поддерживали его в этой мысли. Европейская политика имела также свою долю участия в этих интригах. Англичане, всегда озабоченные прочностью своего положения в Индии, взирали с неудовольствием на тесный союз России с Персией.

Вследствие этого они поддерживали воинствующую партию и поощряли мечты наследника престола о победоносной войне. В том же направлении действовали и беглецы из наших закавказских областей, как-то: Мустафа-хан ширванский, Мехти-Кули-хан карабахский, Сурхай-хан казикумухский и Ахмет-хан аварский. Имея в бывших своих владениях преданных людей, они уверяли наследного принца, что при появлении его армии мусульманское население Закавказья восстанет и изгонит русских.

Для окончательного убеждения шаха, не имевшего воинственных наклонностей, прибегли к помощи религии. Муллы, среди которых находился муштегид, прибывший из Кербелай, представляли шаху о необходимости, для славы его царствования, избавить единоверцев от рабства. Раздалась проповедь священной войны против неверных (Некоторые писатели считают главным виновником войны Аллах-Яр-хана. Но он был только агентом Аббас-мирзы при шахском дворе. Если его интриги и играли какую-нибудь роль в числе многих других, то во всяком случае он только сообразовался с наставлениями наследного принца. Аллах-Яр-хана был зятем Аббас-мирзы. Он рассчитывал, что война еще более укрепит власть наследного престола и будет выгодна для всего семейства его.).

Вследствие такого настроения умов в Персии, генерал [4] Ермолов не мог добиться окончательная проведения пограничной черты, остававшейся без точного определения с 1813 года. Все его попытки не имели никакого успеха. Неприязненные действия едва не начались еще в 1825 году, когда генерал Ермолов находился на кавказской линии. Наконец, 16-го июля 1826 года, персияне вторглись со всех сторон в наши пределы без объявления войны и несмотря на пребывание в это время в Персии нашего чрезвычайного посольства (Если кто-нибудь мог в то время остановить пыл персиян, то это без, без сомнения, тот выдающийся человек, который явился при тегеранском дворе представителем молодого русского царя. Князь Меншиков, при бесспорных талантах, обладал духом миролюбия дипломата. В сознании могущества своего повелителя, он понимал, что можно без ущерба своему достоинству делать некоторые уступки мелкому тщеславию более слабого. Во время моего пребывания в Персии в качестве русского посланника я имел возможность многое узнать от выдающихся представителей старого и нового дворов: общее мнение было вполне в пользу князя Меншикова. Он сумел приобрести, несмотря на затруднительность положения, уважение даже отъявленных врагов. Если ему не удалось убедить персидское правительство принять великодушные предложения нашего государя, то только потому, что Аббас-мирза зашел уже слишком далеко в своем решении и не мог от него отступить.).

В Тифлис первые известия о начале враждебных действий пришли из Караклиса. Генерал Ермолов думал сначала, что это только дерзкая выходка Эриванского сардара; но полученная вслед затем весть о вторжении Аббас-мирзы в Карабах показала ему, что началась настоящая война.

Наши военные силы в Грузии состояли в то время из 16-ти батальонов и 7-ми эскадронов регулярной кавалерии, а именно:

3 полка гренадерской бригады 9 батальонов.

41-й егерский полк 3 батальона (Один батальон содержал караулы в Елизаветполе и Нухе.).

Ширванский 2 батальона (Один батальон, именно второй, еще не возвратился с кавказской линии.).

Саперы 1 батальон.

Тифлисский гарнизонный полк 1 батальон.

Итого 16 батальонов.

Нижегородский драгунск. полк 7 эскадронов. [5]

Две роты гренадерской артиллер.

бригады, из них одна батарейная

и одна легкая 24 орудия.

Батарейная рота 21-й артил. бригады 12 орудий

Всего 36 орудий.

Два полка донских казаков были расположены постами на больших дорогах для доставления почты и проезжающих (Я с намерением не включил в список Тифлисский полк и состоявшую при нем роту артиллерии, так как район, в котором действовали эти части, не входят в мое описание. См. в конце примечание ?.).

С этими силами предстояло сражаться с персиянами, сдерживать лезгин, охранять казенные склады и наблюдать за населением.

Генерал Ермолов приказал немедленно отозвать войска из Елизаветпольской и Шекинской провинций. Несколько позже он сделал распоряжение о сосредоточении в Джелал-оглы Тифлисского полка, занимавшего пограничную линию от Караклиса до Гумры.

Нухинский комендант получил предписание следовать с своими людьми прямою дорогою через владения Елисуйского султана. Он должен был перейти через р. Алазань, при селении Алмало. Здесь, на случай нападения джарских и белоканских лезгин, ожидал его полковник Шабельский с частью своего Нижегородского драгунского полка и одним батальоном ширванцев.

Очищение ?ухи совершилось без всяких препятствий и без сопротивления со стороны населения. В Елизаветполе дело происходило иначе. Город этот, бывший под именем Ганжи столицею могущественного ханства, еще сохранил остатки огромных укреплений и несколько прекрасных памятников своего прежнего величия. Ганжа была взята приступом в 1801 году нашими войсками, под предводительством князя [6] Цицианова. Нынешнее, название ее увековечено знаменитым победителем Польши.

Почти забытая нашею администрациею, она имела только гражданских чиновников. Для квартирования войск генералом Ермоловым избран Зурнабад, небольшое селение, расположенное в горах в 20-ти верстах от города. При всем уважении к выдающимся качествам генерала Ермолова, я должен сказать, что никогда не одобрял пренебрежения его к Елизаветполю. Мне казалось это одинаково противным правилам и хорошей политики, и военного искусства. Я знаю, что предлогом служил нездоровый климат города, но мне известно также и то, что никогда не принималось никаких мер для защиты солдат от влияния дурных климатических условий.

Помещения для солдат были очень дурны; воду для питья брали из грязных канав. Между тем, с самыми незначительными издержками, можно было устроить казармы в бывшем ханском дворце. Для получения хорошей воды достаточно было очистить старые цистерны и восстановить трубы, по которым вода получалась из гор. Если бы, сверх того, были даны строгие предписания относительно способов сбережения здоровья, то я уверен, что смертность понизилась бы до обыкновенных размеров.

Должно заметить, что в отношении здоровья Зурнабад не представлял никаких преимуществ. Врач, заведовавший военным госпиталем сначала в Елизаветполе, потом в Зурнабаде, говорил мне, что годовой процент смертности был почти одинаков в обоих госпиталях. Вследствие сырого и непостоянного климата госпитальные палаты в Зурнабаде были почти круглый год наполнены больными, тогда как в Елизаветполе опасны только жаркие месяцы, а в остальное время воздух приятен и очень здоров.

С военной точки зрения, Зурнабад, находясь вне путей [7] сообщения, ничего не защищал и не имел никакого стратегического значения.

После этого отступления возвратимся к предмету нашего рассказа.

Население Елизаветполя состоит из армян и татар. Последние принадлежат к племени каджаров, из которого происходит царствующая в Персии династия. Говорят даже, что один из предков Фет-Али-шаха родился в Ганже и потом переселился в Астрабад.

Приказание о выводе войск и администрации из Елизаветполя и Зурнабада поставило гражданские и военные власти этих мест в величайшее затруднение. Время не терпело, а транспортных средств не было никаких. Получить их можно было только путем обязательной повинности, но тогда население узнало бы то, что приходилось скрывать от него до последней минуты. Несмотря на все затруднения, капитан Шнитников, начальствовавший отрядом, сумел устроить дело так, что успех казался обеспеченным. К сожалению, окружной начальник Симонов потерял голову в решительную минуту. По условию, отряд должен был прибыть 27-го июля в три часа пополудни, но несколько запоздал. Симонов вообразил, что о нем забыли и в перепуге дал приказание покинуть город. Весть об этом с быстротой электричества распространилась между жителями. Армяне в отчаянии бросились догонять наших с плачем, воплями и даже угрозами, но только на словах. Татары, напротив, взялись немедленно за оружие, убили несколько чиновников и стражу, открыли тюрьму и разграбили багаж и кассу. Симонову с остальными чиновниками и инвалидной командой едва удалось спастись.

В это время прибыл капитан Шнитников с своим незначительным отрядом (две роты 11-го егерского полка и сотня донских казаков и 4 орудия, из которых два были [8] поставлены на лафеты в Зурнабаде). За отрядом следовал большой обоз с больными и багажом, замедливший движение на несколько часов. В некотором расстоянии от города начальник отряда послал капитана Габаева с двенадцатью казаками уведомить Симонова о своем приближении. При въезде в город Габаев узнал о происшедших в нем событиях; пренебрегая советом возвратиться назад, он пожелал лично убедиться в истине рассказа, но в городе татары окружили его и казаков, обезоружили и взяли в плен.

Между тем, зурнабадский отряд приблизился к Елизаветполю; татары через посланца просили Шнитникова не вступать в город, а выйти на большую дорогу стороною. Вместе с тем они потребовали отпуска всех житейских арб, занятых больными и багажом. Шнитников не мог согласиться на эти просьбы не только потому, что они были дерзки, но и по совершенной невозможности их исполнить. При следовании из Зурнабада в Тифлис большою дорогою нельзя миновать Елизаветполя, что же касается до арб, то отряд не мог обойтись без них. Вследствие этого, татарский посланец был выпровожен, так как он того заслуживал, а отряду приказано готовиться силою пройти через город. В виду приближения ночи отряд стал на бивак.

С рассветом колонна вступила в Елизаветполь. Началась перестрелка. По-видимому, главное внимание татар было обращено не на солдат, а на обоз, так как мы имели только одну жертву — поручика артиллерии Горченко, смертельно раненого уже при выходе из города.

Весь отряд единогласно приписывал успех дня благоразумным распоряжениям этого храброго офицера. Татары, надо думать, много пострадали от действия артиллерии, которая обдавала картечью толпы, бросавшиеся на обоз. Мы потеряли несколько повозок с предметами обмундирования и 5000-6000 рублей медною монетою; часть запасного пороха [9] была брошена в воду, несколько сот фунтов свинца зарыто в землю. Капитан Габаев, при помощи своих приятелей, ушел из плена и присоединился к отряду в тот критический момент, когда колонна втянулась в лабиринт улиц. Хорошо зная расположение города, Габаев помог ей выйти из затруднения. Отряд направился по каким-то неведомым переулкам и, таким образом, как впоследствии, оказалось, обошел то место, где ему была приготовлена засада наиболее отчаянными татарами.

Перестрелка прекратилась, как только отряд вышел из города. В Шамхоре толпа фанатиков снова пыталась остановить его, но была рассеяна несколькими пушечными выстрелами.

Одновременно с распоряжением о выводе войск из Елизаветполя и Зурнабада, генерал Ермолов приказал мне идти с отрядом навстречу зурнабадской колонне и поддержать ее в случае нападения персиян на ее фланг со стороны Эривани. Соединенный отряд должен был затем прибыть в Тифлис. Однако, убедившись моими доводами, генерал разрешил мне занять наблюдательный пункт в ущелье Чельдира. Для этого отряд мой был усилен одним батальоном Ширванского полка. В два часа утра 25-го июля я выступил из Тифлиса с четырьмя ротами командуемого мною Грузинского гренадерского полка и четырьмя орудиями. По пути я должен был присоединить к отряду донских казаков, занимавших посты.

Между Красным мостом и салаглинским постом я встретил двух казаков, посланных из Шуши к генералу Ермолову полковником Реутом с донесением о том, что крепость эта блокирована всею персидскою армиею. Молодцы-казаки покинули Шушу среди белого дня, на виду у неприятеля, и на своих донских лошадках ускакали от преследования лучших персидских наездников. Спустившись на [10] равнину, они разделились: один направился по почтовой, другой — по нижней дороге, и оба благополучно добрались до Тифлиса.

На рассвете 30-го июля, отряды соединились близ Шамхора. Таким образом, я сделал в пять дней 130 верст во время сильнейшего зноя и имел заболевших только 12 человек. Я мог бы достигнуть Шамхора раньше зурнабадской колонны, если бы 25-го июля не потерял пять-шесть часов в Демурчасало. Причина этого запоздания должна быть обнародована, так как она в будущем может избавить от испытанных нами неудобств тех лиц, которым придется учреждать порядок движения войск в знойную пору. Я знал по опыту, что на юге в летнее время ночной сон, действительно подкрепляющий силы и дающий человеку полный отдых, наступает только за три-четыре часа до рассвета. Поэтому войскам, утомленным дневным зноем, необходимо нужно давать абсолютный покой в эти предрассветные часы (Считая это наблюдение чрезвычайно важным, предлагаю его на обсуждение компетентных лиц. Я склонен думать, что страшные болезни, поражавшие наши войска во время турецких войн, в значительной мере возникали от пренебрежения этим правилом.

Во время моего долгого пребывания в Персии, я тщательно отмечал те из местных обычаев, которые мне казались достойными подражания в видах сохранения здоровья наших солдат, если бы им еще раз пришлось побывать в Персии. Как подтверждение прежних моих наблюдений, я заметил, например, что жители Тегерана, не имеющие возможности совершенно покинуть город на летние месяцы ежедневно после заката солнца отправляются за 8-10 верст в горы, чтобы воспользоваться освежающим предрассветным сном. После восхода солнца, они возвращаются в город к своим занятиям.). Затем, есть еще одно очень важное условие в выборе времени для поднятия лагеря: Боже сохрани начинать движение пред закатом солнца, если путь лежит в направлении к западу.

Итак, я распределил движение следующим образом: мы выступали под вечер и останавливались для ночлега к 10-ти и не позже 11-ти часов; при этом не было надобности искать ни воды, ни топлива, так как люди спешили предаться покою; [11] с зарей мы были опять на ногах и без остановки шли до станции.

Таким образом, 25-го июля мы покинули Соганлуг, проведя там самое жаркое время дня. К сожалению, я не подумал о том, что путь наш лежит на запад и мы выступили в 5 часов после полудня. По мере того, как солнце приближалось к горизонту, зной не ослабевал, а усиливался; горизонтальные солнечные лучи били нас прямо в лицо; в воздухе ни малейшего движения, все замерло, раскаленная земля пышет жаром, захватывающим дыхание. Невозможно выразить страдания, которые мы испытали. Люди падали от изнурения, и только вечерний ветерок освежал их настолько, что они могли продолжать путь. К счастью, случай этот не имел никаких дурных последствий.

Я остановился в Демурчасало, куда в течение ночи подошли все отсталые и освежились купаньем в реке. Впрочем, пришлось сделать здесь дневку.

Во все время похода по этой обширной равнине мы не встретили ни одной живой души. Никто из беков, удалившихся на лето в горы, не считал нужным спуститься на плоскость для свидания со мною и предложения своих услуг. Это был дурной знак, хотя я и не имел в то время никаких положительных сведений о начавшемся уже движении в этих местах. Только от капитана Шнитникова узнал я, что шамшадильская дистанция находилась в открытом восстании. Вследствие этого не могло быть и речи о походе в горы для занятия Чельдирского ущелья.

Я возвратился опять в с. Тауз, а колонна капитана Шнитникова направилась в Тифлис. При ней находились Симонов с чиновниками и несколько немецких колонистов, покинувших свои селения. Я присоединил к своему отряду только казаков, в которых нуждался, и два орудия. Таким образом, со дня выступления из Тифлиса, силы мои [12] увеличились двумя сотнями казаков, считая в том числе и снятых мною с постов я двумя пушками.

31-го июля за нашим арьергардом появилась впервые татарская конница, но ничего не предпринимала против нас. На другой день, 1-го августа, татары показались вновь и пытались напасть на наших фуражиров. Я пошел против них с одною ротою, орудием и частью казаков, оставшихся в лагере. Казаки бросились в рукопашную и скоро рассеяли неприятеля, при этом был ранен майор Князев, командовавший казаками. Утром 2-го августа произошла новая стычка, не имевшая никаких последствий.

Во время нахождения моего в Таузе прибыл ко мне раненый казак из конвоя шамшадильского пристава или моурава полковника Остроухова и с ним приехал слуга

этого полковника. Им как-то удалось вырваться из рук татар, а прочие были или перебиты, или уведены в Эривань. Они рассказали мне о предательском поступке татар с Остроуховым, который вполне доверился им и с презрением отверг благоразумные предупреждения армян. Мнимые друзья захватили полковника, ограбили дочиста и намеревались отвести его в Эривань в подарок сардару. Только счастливый случай дал Остроухову возможность вырваться из плена. Он нашел убежище и защиту у армян, которых преследовал.

Сегодня получил я первое письмо от генерала Ермолова. Он предложил мне подвинуться к реке Акстафе, чтобы скорее соединиться с батальоном ширванцев и держать в спокойствии казахских татар.

Я выступил под вечер и после полуночи прибыл в Гассан-су, где простоял весь день 3-го августа. Такая остановка была необходима для того, чтобы татары, следившие за отрядом и вступавшие в перестрелку с аванпостами, не приняли моего отступления за бегство. Кроме того мне хотелось [13] подбодрить армян, которые, укрепившись в своих селениях, защищались против восставших и не впускали к себе персиян.

Из Гассан-су отряд выступил 4-го августа. На марше получил я второе приказание от генерала Ермолова. Подтверждая прежнее распоряжение о переходе к реке Акстафе, он сообщал, что получено известие об измене казахцев и занятии неприятелем делижанского ущелья. Генерал запрещал мне углубляться в горы и предписывал действовать, если понадобится, не раздробляя моих сил. Вследствие этого я просил подполковника Грекова поспешить присоединиться ко мне с батальоном ширванцев. Утром, 5-го августа, он прибыл в наш лагерь на р. Акстафе. Ширванский батальон пришел из Сигнаха прямою дорогою через степь, переправившись через Куру при селении Пойли. При нем находились 60 человек грузинской конной милиции и запас муки на 15 дней. Поручение мне наблюдательного поста впереди Тифлиса последовало по предложению храброго генерал-лейтенанта князя Эристова, который обещал генералу Ермолову снабдить мой отряд продовольствием. Исполняя это обещание, он сам повел батальон и транспорта степью и с успехом выполнил эту трудную задачу. После короткого отдыха князь Эристов отправился обратно в Царские-Колодцы, где он командовал войсками, расположенными в Кизикии и Кахетии на случай вторжения лезгин.

При грузинских царях должности правителей или моуравов в татарских дистанциях принадлежали наследственно главнейшим княжеским фамилиям. Права этих начальников не могли быть терпимы при введении правильной администрации, так как, будучи основаны только на обычае, давали удобный повод к злоупотреблениям. Но предшественники генерала Ермолова оставляли без изменения установившиеся порядки. Во время смут и военных тревог содействие [14] влиятельных фамилий было необходимо для удержания в спокойствие населения, привыкшего им повиноваться.

Генерал Ермолов, вступив в управление краем, признал своевременным внести некоторый порядок в администрацию. Он начал с того, что заменил наследственных грузинских правителей русскими чиновниками. Затем он ограничил деспотическую власть агаларов над их крестьянами, предполагая со временем дать этим последним полную свободу и, таким образом уничтожить значение их прежних господ. Вскоре генерал Ермолов должен был сознаться, что все эти нововведения, хотя и основанные на справедливости, были преждевременны. Дело в том, что при первом же появлении

персиян в дистанциях (Дистанциями называются в Грузии три татарские округа или провинции: Борчало, Казах и Шамшадиль.), местное население взбунтовалось, тогда как прежде, при обстоятельствах для нас более критических, как например в 1812 году, оно оставалось спокойным.

Крестьянин не был настолько развит, чтобы понять причину того благосостояния, которым он начал пользоваться, а потому он не чувствовал ни привязанности, ни признательности к пекущемуся о нем правительству. В тоже время, по привычке и преданию, он слепо подчинялся внушениям агаларов, которым считал своею обязанностью повиноваться. ? разве агалар, опасавшийся лишиться в недалеком будущем имущественного и общественного положения мог оставаться верным?

Для удержания дистанций хотя бы в некотором повиновении, генерал Ермолов признал необходимым возвратиться к прежним порядкам: русские чиновники были заменены грузинскими князьями. Узнав, что в Казах назначен моуравом князь Аслан Орбелианов, я пригласил его к себе и просил привести с собою несколько агаларов. [15]

Князь Аслан прибыл в мой лагерь 6-го августа в сопровождении агаларов, среди которых находился престарелый Али-ага-векиль с сыновьями. Появление их не доказывало, впрочем, прекращения восстания в Казахе. Эти же самые агалары побывали уже у сардара Эриванского, при чем, конечно, дали ему еще больше обещаний, чем мне, и с большею искренностью. Никто из них не участвовал в убийстве русских, и потому они решились показаться в моем лагере. Привело их сюда, без сомнения, не столько желание выразить свою покорность, сколько намерения лично убедиться в количестве войск, которыми я располагал. Убедившись в том, что я могу противостать сардару, они решились принять выжидательное положение.

Дружеские сношения с сардаром и его братом агалары оправдывали необходимостью, так как их семейства и имущества находились в горах и легко могли сделаться добычею этих прославленных грабителей. Я делал вид, что вполне верю этим заявлениям. Мне было не до следствия. Я был озабочен изготовлением сухарей из привезенной муки, а для этого требовались дрова, которых нельзя было получить без содействия агаларов. Поэтому я обращался с ними так, как будто ничего не произошло.

На следующий день, 7-го августа, я подвинулся в Делижанское ущелье с тем, чтобы разбить лагерь на месте, удобном для печения сухарей. При слиянии р. р. Джоказа с Акстафою отряд остановился, а я отправился обозреть окрестность. Меня сопровождали полковник Греков, агалары, конные грузины и несколько казаков. После долгих поисков, выбор мой остановился на Ханахларе, расположенном в 12-ти верстах от большой дороги. Хотя с военной точки зрения позиция эта представляла некоторые неудобства, но здесь можно было иметь по близости воду и сухой лес в изобилии.

В ожидании прибытия отряда, за которым было послано, [16] мы укрылись от солнца под великолепными ореховыми деревьями. Агалары с своим моуравом расположились с одной стороны, полковник Греков, я и наша свита с другой. Часа через два к нашей группе присоединились сначала моурав, потом старый Гаджи-ага. В ту минуту, когда этот последний опустился на землю, раздались, в нескольких шагах от нас крики и ружейные выстрелы. Произошел порядочный переполох, все бросились к своим лошадям. Один только Яссе Андроников, начальник грузинской конной дружины (Впоследствии он был адъютантом фельдмаршала графа Паскевича-

Эриванского.), бросился на выстрелы и своею твердостью прекратил беспорядок. Правда, что в это же время показалась и голова нашей колонны. По той или иной причине, происшествие это не имело дальнейших последствий, но чем оно было вызвано — так и осталось неизвестным. Пришлось удовлетвориться какими-то объяснениями агаларов, а последующие более важные события заставили совершенно забыть этот случай. Я узнал только, что выстрелы были произведены односельцами наших агаларов. У казаков пропали четыре лошади, но на другой день они были возвращены, причем одна из них оказалась раненой.

В течение шестидневного командования отрядом, я употребил все усилия к удержанию казахских агаларов от явной измены. Шамшадильским напоминал я о их обязанностях. Не полагаясь на те сведения, которые они мне сообщали, я посылал во все стороны доверенных людей. Главная цель была мною достигнута: уверенность всех моих действий убедила татар в том, что я не боюсь персиян.

Несколько раз агалары просили моего разрешения отправиться на свидание с Эриванским сардаром. Я никогда им не отказывал, хорошо понимая, что это был один из способов изучить мой характер. В действительности, они могли [17] и без моего согласия ездить в Эривань и к персиянам. Но если бы я ответил отказом, то это было бы сочтено за признак боязни, и тогда мое влияние было бы утрачено. Достаточно было минутной слабости с моей стороны для того, чтобы отряд оказался отрезанным, и грабежи распространились до ворот Тифлиса.

13-го августа прибыл князь Мадатов с двумя батальонами и донским казачьим полком. Вечером того же дня майор Грузинского полка Поляков, с тремя ротами, несколькими казаками и грузинскими милиционерами, выступил к селению Амерли, где находился небольшой персидский отряд. Но агалары, служившие проводниками, повели Полякова не прямою, а круговою дорогою. Вследствие этого отряд наш прибыл в Амерли не к рассвету, а в 9 часов утра и уже не застал персиян: они были предупреждены и отступили. Ночлег на 15-е августа Поляков имел при Гассан-су. Ночью татары, находившиеся в лагере, подняли тревогу, рассчитывая поживиться чем-нибудь в суматохе. Я упоминаю об этой мелочи для характеристики народа, с которым приходилось нам иметь дело.

15-го августа прибыл из Шуши майор 42-го егерского полка Клюке. Его сопровождали два гулама, посланные Аббас-мирзою в Тифлис к генералу Ермолову с уведомлением об условиях, которые он предложил полковнику Реуту для сдачи Шушинской крепости. В этот же день Клюке выехал в Тифлис.

15-го августа мы покинули Ханахлар и стали при большой дороге на прежнем месте, т.е. на акстафинском посту. Три роты остались в Ханахларе впредь до окончания заготовки сухарей. На, следующий день, 16-го августа, прибыла конная грузинская дружина из Кизикии и Кахетии, всего 150 всадников, дурно снаряженных.

Мы хотели, чтобы возвращение жителей с гор на [18] плоскость совершилось в нашем присутствии. Агалары обещали нам это, но не исполнили.

Гуламы Аббас-мирзы, на обратном пути из Тифлиса, были у нас 19-го августа. Корпусный командир, зная, что Аббас-мирза не пропустит майора Клюке в Шушу, оставил его при себе. Вечером гуламы выехали дальше. Князь Мадатов, окруженный, как всегда, толпою татар, дал посланцам поручение, которое должно было уверить наследного принца в чародействе Мадатова. Поручение это произвело большое впечатление на присутствовавших. Мы убедились в этом на другой день, 20-го

августа, когда татары доставили нам продовольственные припасы, чего до сих пор ни разу не делали.

21-го августа прибыли 200 грузинских всадников из ущелья Арагвы и 200 пехотинцев. Всадники снаряжены лучше, чем кахетинские; пехотинцы, как говорят, хорошие стрелки.

Сегодня же вся пешая грузинская дружина отправилась с Иваном Коргановым за полковником Остроуховым, нашедшим убежище в армянском селении Клали.

Ширванский батальон с двумя орудиями отправлен на Гассан-су к армянскому селению. Он должен служить авангардом в поиске, задуманном генералом. Несколько дней тому назад получено известие о пребывании царевича Александра в горах, в лагере Зураб-хана. Где именно находится лагерь, — мы не знаем, но имеем сведение, что он расположен недалеко от нас. Так хорошо служили нам наши подданные! Было очевидно, что царевич намерен пробраться к джарским и белоканским лезгинам, с целью вызвать беспорядки в Кизикии и Кахетии. Необходимо было помешать его замыслам.

Князь Мадатов отправил для собрания сведений разведчика, рекомендованного ему Яссе Андрониковым. Он возвратился утром, 22-го августа, с докладом, что доходил до [19] Дженганса и нигде не нашел следов неприятеля. В виду такой неопределенности сведений, Мадатов решился подвинуться вперед для поддержания грузинской милиции, если бы она была атакована. Он приказал пяти ротам Грузинского гренадерского полка и четырем орудиям быть готовыми к походу. К счастью, в пять часов вечера, явился армянин-перебежчик. Он подтвердил известие о пребывании царевича в лагере Зураб-хана, который стоял на речке Асрик, одном из правых притоков Тауза. Мы немедленно выступили и в 9-ть часов вечера присоединились на реке Гассан-су к батальону ширванцев. В 11-ть часов движение возобновилось. За казаками и грузинской дружиной следовали пять моих рот с четырьмя орудиями и ширванский батальон с двумя орудиями.

В три часа утра, 23-го августа, остановились на короткое время для изменения порядка марша. Считая более удобным окружить неприятеля пехотой, князь Мадатов послал вперед ширванский батальон, приказав ему прибавить шаг.

За рекой Таузом батальон наткнулся на татарских всадников в числе до 30-ти человек. Они умчались и подняли тревогу в неприятельском стане. Если бы неприятель остался на том месте, на котором видел его армянин-перебежчик, служивший нам проводником, то мы без сомнения захватили бы его врасплох.

Но Зураб-хан еще накануне перешел на высоты. Заметив, что мы открыты, князь Мадатов приказал кавалерии отрезать неприятелю путь отступления. Мы видели суматоху, поднимающуюся в персидском лагере при нашем появлении. Если нас и ожидали, то очевидно не так скоро. Наши стрелки и несколько удачно брошенных гранат заставили неприятеля поспешно бежать. Дружина и казаки, задержанные трудностью пути, опоздали, и потому не могли сделать ничего существенного. [20]

Впрочем, экспедицию нельзя считать совершенно бесплодной. После бегства персиян и царевича в Елизаветполь, шамшадильцы возвратились в свои жилища. На этот раз, следовательно, нам нечего было опасаться царевича.

Убедившись в исчезновении неприятеля, мы возвратились на левый берег Тауза. Здесь пехота, проводшая 17-ть часов на ногах, остановилась для ночлега. Князь Мадатов и я, в сопровождении грузинской дружины, возвратились в наш лагерь.

Корпусный командир знал о намерении царевича Александра пробраться в Кахетию. Он сообщил об этом Мадатову письмом от 22-го августа, которое князь получил уже после того, как планы этого беспокойного человека были разрушены.

24-го августа пешая милиция возвратилась из Кулали вместе с приставом Остроуховым. Накануне встретилась она с бежавшими от нашего преследования татарами, взяла пятерых в плен и убила несколько лошадей.

26-го августа прибыл полковник Попов с одним батальоном командуемого им Херсонского гренадерского полка с двумя ротами моих грузинцев, донским казачьим полком и транспортом муки. Корпусный командир предписал князю Мадатову идти в Елизаветполь, как только будут изготовлены сухари для его отряда. Их пекут с величайшею поспешностью. Три роты, покончив это дело в Ханахларе, присоединились к нам 29-го августа.

Утром, 30-го августа, князь Мадатов получил окончательное приказание корпусного командира идти вперед, сделав предварительно следующие распоряжения:

1) Одну роту (девятую) моего полка отправить в Тифлис с больными, пленными, лишними повозками и вещами. Она выступила в тот же день.

2) Один батальон херсонцев, один батальон [21] ширванцев, сотню казаков и четыре батарейные орудия оставить на Акстафе.

Таким образом, отряд, назначенный для открытия военных действий под начальством князя Мадатова, составляли:

Пехота:

Херсонского полка 1 бат.

Грузинского 1 1/2 бат.

Егерского 3/4 бат.

Всего 3 1/4 бат.

Пешая грузинская дружина около 200 чел.

Кавалерия:

Донской казачий полк, в очень слабом составе, около 400 чел.

Грузинская дружина 400 чел.

Всего 800 чел.

Артиллерия:

Батарейных орудий 8

Легких 4

Всего 12

Выступив 31-го августа, мы ночевали на правой стороне Гассан-су, в двух верстах от этой речки.

1-го сентября тронулись в путь только в 10 часов утра, так как после разразившейся ночью сильной грозы, людям надо было дать время несколько обсушиться. Бивак на правом берегу Тауза. [22]

Полученные из Елизаветполя сведения очень сбивчивы. Мы не знаем даже, справедливо ли показание некоторых лазутчиков о том, что там находится какой-то принц из шахской фамилии. Число неприятеля также неизвестно. Достоверным кажется только известие, что у него много кавалерии. Это обстоятельство, в связи с возможностью внезапного появления неприятеля на нашем правом фланге, заставило нас располагать лагерь в каре.

2-го сентября ночлег в Дзегаме. Гора, возвышающаяся близ почтового дома, была занята неприятельскою кавалериею, которая удалилась при появлении нашего

авангарда. Ночь прошла спокойно, патрули наши никого не видели. Получили, наконец, несколько достоверных сведений о неприятеле. Оказывается, что войсками командует старший сын Аббас-мирзы, Магомед-мирза (ныне царствующий шах). Под его начальством состоит, как говорят, 10-ть тысяч кавалерии, несколько батальонов регулярной пехоты и четыре орудия. Эмир-хан-сардар приставлен к принцу в качестве руководителя. Магомед-мирза вышел из Елизаветполя к нам навстречу. Он стоит в Шамхоре.

Уверяют, что он пошел бы искать нас и дальше, если бы мы не предупредили его. Чтобы избавить его от этого труда, мы выступили на рассвете 3-го сентября в следующем порядке: кавалерия, батальон моего полка, два легкие орудия, три роты егерей, восемь батарейных орудий, херсонский батальон, обоз; в арьергарде: две роты моего полка, два легкие орудия, пешая грузинская дружина и двадцать казаков.

Во время марша показались неприятельские наездники на горизонте обширной равнины, но так далеко, что не было возможности догнать их. На половине пути мы сделали двухчасовой привал. Разъезды донесли, что неприятельская кавалерия показалась в более плотных массах и, по-видимому, не имеет намерения уклониться от встречи с нами. Не [23] изменяя порядка марша, мы перестроили батальоны во взводные колонны и расположили кавалерию по флангам в одну линию. По мере нашего приближения, неприятель развертывал свои силы, но затем, не выждав нас, отступил. Около трех часов после полудня мы были в Шамхоре. Неприятель стоял в боевом порядке на другом берегу реки. Артиллерия его, очень выгодно расположенная, открыла огонь. Один батальон сарбазов, как мы после узнали, в составе 1200 человек, с большим искусством занял позицию в речной долине, по обеим сторонам большой дороги, по которой должна была пройти наша пехота. Князь Мадатов приказал мне ударить на них с моим батальоном и тремя ротами егерей.

Пока я шел под покровительством огня четырех батарейных орудий, кавалерия наша, находившаяся на флангах, по приказанию князя, переправилась через реку и бросилась на неприятельскую конницу. Эти атаки, хорошо задуманные и согласно исполненные, увенчались полным успехом. Персидская конница показала тыл, не выждав удара. Покинутые ею сарбазы, атакованные нами в штыки, обратились в бегство. Рассеявшись по обширной равнине, они почти все погибли под пиками казаков, которые в раздражении и горячности не давали пощады. Эта первая встреча наша с персиянами в открытом поле, стоила им одного орудия, семи верблюжьих фальконетов и 60-ти пленных. Земля была усеяна телами убитых. Едва ли в какой-либо из войн, веденных персиянами в наше время, они имели столько убитых. Батальон сарбазов лег почти поголовно. Общее число убитых в пехоте и кавалерии можно без преувеличения считать в 1500 человек. В числе их находился наставник Магомед-мирзы, Эмир-хан-сардар-Каджар, приходившийся дядею Аббас-мирзе, зятем и шурином Фет-Али-хану. Смерть столь знатного лица на поле битвы считается в Персии таким [24] достопамятным событием, что она не могла не произвести огромного впечатления.

Наши солдаты, в пылу победы, сделали до заката солнца еще 15 верст, не имея ни одного отсталого. Они дошли бы, таким образом, до Елизаветполя, если бы князь Мадатов не остановился для изготовления и отправления в Тифлис своего донесения. В полночь мы снова тронулись в путь и на рассвете, в 4 часа, были в Елизаветполе.

К сожалению, мы опоздали. Батальон сарбазов, оставленный в городе Магомед-мирзою, успел уйти при первой вести о шамхорском поражении. Командир его сумел

так хорошо скрыть свое намерение от горожан, что они узнали об уходе батальона только утром, незадолго до нашего прибытия. Какой-то почтенный мушкетер, живший в армянском квартале, был забыт ушедшими персиянами. Хозяин дома арестовал его и доставил в наш лагерь.

Князь Мадатов сделал ошибку в том отношении, что после победы не воспользовался безостановочно всеми преимуществами своего положения. Тем не менее, нельзя не похвалить решительности его атаки и мудрости предварительных распоряжений, обеспечивших ее полный успех.

Имея 2500 человек такой великолепной пехоты, как русская, и превосходство в артиллерии не трудно, конечно, разбить десяток тысяч персиян. Но только недюжинный генерал может броситься в атаку, не справляясь о числе врагов, и притом после 30-ти-верстного перехода под палящим солнцем.

Что касается действий персиян, то они не выдерживают никакой критики. Самонадеянность юного принца получила должное возмездие. Главная доля вины падает, впрочем, на Аббас-мирзу, который не сумел предусмотреть того, что случилось. Ему следовало идти со всеми своими силами при первом известии о появлении князя Мадатова на Акстафе. [25] Если же он не считал возможным снять осаду Шуши, то должен был запретить сыну пускаться в рискованное предприятие и приказать ему уклоняться от встречи с русскими, сберегая свои силы до решительного дня. Вообще, ни сам Аббас-мирза, ни его генералы, во все продолжение этой кампании, не имели никакого определенного плана действий. Только один из них обладал, по-видимому, некоторыми способностями, но он был осужден и казнен как преступник.

Я уже говорил о персидском батальоне, так удачно ушедшим из Елизаветполя. Его командир Назар-Али-хан спас не только солдат своих, но также весь обоз и большое количество ценных товаров, принадлежавших азербейджанским купцам. В награду за эти заслуги он был опозорен и затем казнен. Накануне большого сражения при Курак-чае, о котором будет сказано ниже, Аббас-мирза приказал одеть Назар-Али-хана в женское платье, вымазать бороду кислым молоком, посадить его на осла лицом к хвосту и в таком виде провезти по рядам персидских войск. Наследный принц не удовольствовался этим жестоким поступком: по возвращении в Тавриз, он приказал удавить несчастного хана.

Во время пребывания моего в Персии, желая выяснить причину гнева Аббас-мирзы, я обращался к лицам, которые должны были знать истину. Но никто не мог дать мне ответа. Впрочем, все соглашались со мною и строго осуждали поступок принца.

Начиная от места остановки после сражения, мы нашли на дороге три лагеря, с которых не были даже сняты палатки. Персияне отступали так поспешно, что не имели времени зайти в свои лагеря. Несомненно, что без этой несвоевременной остановки весь неприятельский обоз был бы в наших руках.

Весь день -1-го сентября прошел в установлении порядка [26] в городе и в назначении властей. Капитан Габаев назначен временным комендантом. Предшествовавшее поведение мусульман ославлено без исследования. Князь Мадатов ничего не сказал им по этому поводу, делая вид, что ему ничего не известно.

Заботимся о получении провианта. Хлеб еще не убран с полей и потому жителям предложено доставить его в город. Представители племени каджаров находятся в нерешительности, так как все еще надеются на возвращение персиян.

Сегодня, 5-го сентября, прошел слух, что Аббас-мирза, сняв осаду Шуши, идет на нас (Трудно представить себе, с какою быстротою распространяются здесь всякие новости. Можно подумать, что они передаются по телеграфу. Впрочем оно так и есть, только передача совершается не сигналами, а из уст в уста.).

Вновь полученные 6-го сентября известия подтверждают этот слух. Мы начинаем тревожиться. Вечером делается уже положительно известным, что Аббас-мирза идет со всеми своими силами. Говорят, что у него до 60-ти тысяч человек и много орудий. Хотя мы и убеждены, что наши друзья армяне — со страха, а татары — из ненависти к нам, преувеличивают силы неприятеля, тем не менее, приходится считать их не менее чем в 30 или 40 тысяч. У нас же имеется только три батальона. Полковник Попов и я проводим всю ночь в палатке князя Мадатова в придумывании способа с честью выйти из затруднительного положения.

7-го сентября осматривали окрестности города для разыскания удобного места, на котором можно было бы спешно укрепиться. Нашли много хороших позиций, но неприятель легко мог обойти их и овладеть городом. Кроме того, при занятии какой-либо из них, пришлось бы довольствоваться водою из оросительных канав, так как река проходит под самым городом. Между тем неприятель мог одним ударом лопаты прекратить течение воды в канаве. Вследствие [27] этого предположение оказалось неисполнимым, но, с другой стороны, мы не допускали и мысли об отступлении.

Князь Мадатов послал гонца за отрядом, стоящим в Акстафе.

Ночь провели опять в палатке князя Мадатова, соображая план действий на тот очень вероятный случай, если бы Аббас-мирза подошел раньше получения нами подкреплений. Мы уже знали от жителей, что из Тифлиса пришли на Акстафу новые войска с каким-то генералом, имени которого никто не мог нам сказать. Предполагая даже, что эти войска пойдут с величайшею поспешностью, но только не раньше, как после получения приказания князя Мадатова, нельзя было рассчитывать, чтобы они прибыли прежде вечера или ночи 10-го сентября. Между тем Аббас-мирза мог без особенных усилий атаковать нас 9-го сентября. Во всяком случае, мы решились не отступить и даже намерены перенести лагерь несколько вперед.

Перемещение лагеря состоялось 8-го сентября. Только мы трое знаем об опасности положения. Ни солдаты, ни горожане не подозревают, какие заботы удручают нас. В течение дня князь Мадатов получил ответ на приказание, посланное им командующему отрядом на Акстафе. Приказание это было получено генерал-адъютантом Паскевичем, недавно прибывшим из России для командования войсками Кавказского корпуса под главным начальством генерала Ермолова.

Генерал шел к нам из Тифлиса с подкреплением и для принятия начальства над отрядом. Уведомляя князя Мадатова о своем назначении, он писал, что прибудет с кавалерией утром 10-го сентября, пехота же подойдет только к вечеру. Вследствие этого, на случай появления персиян в значительных силах, генерал Паскевич предписывал князю оставить меня в Елизаветпольской крепости с шестью ротами [28] моего полка и четырьмя орудиями, а с остальными войсками отступить.

К счастью, Аббас-мирза шел как черепаха. Нам сообщили 9-го сентября, что он уже два дня стоит на реке Тертере. Генерал Паскевич прибыл 10-го сентября, в десять часов утра, с шестью эскадронами нижегородских драгун. Его сопровождал начальник корпусного штаба генерал Вельяминов. Генерал Паскевич, проехав по фронту лагеря, где были выстроены солдаты, удалился в свою палатку.

В течение дня новый начальник выслушивал доклады о предшествовавших событиях, собирал сведения и знакомился с подчиненными лицами. Вечером прибыли третий батальон Херсонского гренадерского полка, шесть рот 7-го карабинерного, первый батальон Ширванского, одна рота и недостающее число людей к трем ротам 41-го егерского полка, находившимся в нашем отряде.

11-го сентября генерал обучал войска новому боевому порядку, в котором намерен вести нас против неприятеля. С аванпостов дают знать о появлении персидской кавалерии. Генерал посылает на рекогносцировку поручика гвардейского генерального штаба Ермолова. В ожидании его донесения войска остаются под ружьем. Ермолов возвращается с известием об удалении неприятеля. Мы возвращаемся в лагерь. Генерал намерен устроить лазарет в городе. Он отправляется туда в сопровождении полковых командиров.

12-го сентября войска опять выходят на ученье. Неприятель снова показывается, но уже в силах более значительных. На этот раз он не удаляется при виде наших разъездов, а останавливается и выжидает.

Генерал оставляет меня на позиции с одним батальоном и уводит остальные войска. Вскоре неприятель удаляется, и батальон тоже возвращается в лагерь.

Все распоряжения к открытию лазарета кончены. Ничто [29] больше нас не задерживает. Генерал отдает приказ выступать завтра в 8 часов утра.

13-го сентября, когда я еще спал, князь Мадатов прислал за мной своего слугу. Я нашел в его палатке трех человек, только что прибывших из лагеря Аббас-мирзы. Один из них Беглеров, армянин из хорошей карабахской фамилии, брат бывшего переводчика при нашей миссии в Персии; другой — какой-то проходимец из Астрахани, прошедший огонь и воду; третий — слуга Беглерова.

Аббас-мирза, желавший привлечь на свою сторону армянское население, взял к себе Беглерова и оказывал ему знаки уважения. Еще накануне он пожаловал ему почетный халат. Но ничто не могло поколебать верности, свойственной этому народу. Новый знак милости наследного принца к Беглерову, открыл ему удобный случай к побегу. Он явился к нам с известием, что Аббас-мирза предполагал атаковать нас ночью; но военный совет не согласился с этим и отложил нападение на утро. Мы поспешили разбудить генерала Паскевича для сообщения ему известия, полученного от перебежчика. Расспросив лично Беглерова, генерал сделал немедленно все распоряжения. В отмену вчерашнего приказания, он повелел оставить обоз в вагенбурге под прикрытием двух рот херсонцев с двумя орудиями, а остальным войскам быть готовыми к выступлению. Всем полкам было предложено кончать скорее с обедом. Старые кавказские солдаты никогда не заставляют себя ждать. Получив приказание поспешить, они наскоро похлебали кашницу и быстро изготовились к походу.

Во время этих приготовлений прискакал шамшадильский татарин и просил допустить его к генералу. Он сообщил, что Эриванский сардар с своею армиею спустился по Чалдырскому ущелью на плоскость и стоит у нас в тылу. «Я сам — прибавил татарин — служил сардару проводником. Покинув его в Шамхоре, я поспешил предупредить вас». [30]

Генерал Паскевич, обратился к нам с вопросом: что делать? Видя, что старшие молчат, я сказал: «побьем Аббас-мирзу и тогда сардар сам уйдет». После этого ответа генерал, не обращая уже никакого внимания на донесение татарина, приказал выступать.

Прежде чем обратиться к изложению событий этого достопамятного дня, я должен сказать еще несколько слов о татарском вестнике. Мы узнали впоследствии, что весь его рассказ был вымышлен. Эриванский сардар не покидал своего дворца и не посылал войска в Шамхоры. Однако татарин ни своею внешностью, ни речью не возбуждал никаких сомнений: по одежде и обращению мы приняли его за простого пастуха. Кем был он подослан? Кто дал ему наставление? Это останется тайною навсегда. Замечательно, что и генерал Ермолов получил в тоже самое время подобное же известие в Тифлисе. Оно показалось генералу настолько основательным, что он решился выступить из Тифлиса с последними, оставшимися в его распоряжении, войсками для образования резервного лагеря на Гассан-су. Перечислим войска нашего отряда.

Пехота:

Херсонский гренадерский полк 2 батал.

Грузинский гренадерский полк 1 1/2 батал.

7-й карабинерный полк 1 1/2 батал.

Ширванский пехотный полк 1 батал.

41-й егерский полк 1 батал.

Всего 7 батал.

Кавалерия:

Нижегородские драгуны 6 эскадр.

Донской казачий генерала Иловайского полк 4 сотни.

Тоже подполковника Костина 4 сотни. [31]

Грузинская и татарская дружина около 300 коней.

Артиллерия:

Батарея рота гренадерской бригады 12 орудий

Легкая рота той же бригады 12 орудий

Всего 24 орудия.

Казачьи полки были в очень слабом составе: в восьми сотнях едва насчитывалось 500 коней.

Грузинская пешая дружина и большая часть конной были еще из Шамхора отправлены для сопровождения пленных и трофеев, взятых у персиян. Собственно говоря, князь Мадатов воспользовался случаем для удаления из отряда лишних ртов.

После отделения двух рот и двух орудий для охраны вагенбурга, у нас оставалось 6 1/2 батальонов и 22 орудия. С этою горстью людей пришлось Паскевичу вступить в бой с фалангами современного Дария!

В 7 часов войска выступили из лагеря в том боевом порядке, которому генерал обучил нас в предшествующие дни.

Порядок этот, введенный впервые генералом Паскевичем, состоит в том, что войска, построенные небольшими массами в колонны к атаке, располагаются тремя линиями. Кавалерия помещается между второю и третью линиями, чтобы предохранить ее от первой бешеной атаки неприятельской конницы, которая в азиатских армиях бывает всегда численно значительно сильнее нашей.

В истории военного искусства такой порядок знаменует собою третью эпоху в усовершенствовании способов вождения войск против азиатов. Под первую эпоху я разумею [32] времена фельдмаршалов Миниха и Ласси, когда были в употреблении большие каре, рогатки и пики, коими вооружались вторые шеренги пехоты. Вторая

эпоха начинается при Румянцеве, когда рогатки и пики признаны бесполезными, а каре придано более подвижности. Впоследствии эта система еще более усовершенствована Суворовым и Бонапартом. Третий способ, который можно назвать нашим, отличался большею простотою построения, сохранил все преимущества каре и отбросил соединенные с ним невыгоды.

Сегодня мы шли в следующем порядке: пехота в две шеренги, причем каждый батальон разделен на два полу-батальона. Таким образом, составляли:

Первую линию:

Ширванский полк 2 батальона.

41-й егерский полк 2 батальона.

Всего. 4 батальона.

Батарейные орудия в центре 12 орудий.

Стрелки четырех батальонов впереди артиллерии. Первою линиею командует полковник Авенариус, командир 41-го егерского полка.

Вторую линию:

Грузинский гренадерский полк 3 батальона.

7-й карабинерный полк 3 батальона.

Всего 6 батальонов.

Из них оба крайние полу-батальона, выдававшиеся на флангах за первую линию, имели каждый по два легких орудия, впереди которых шли стрелки. Вторую линиею начальствовал [33] подполковник граф Симонич, командир Грузинского гренадерского полка.

Регулярная кавалерия:

Нижегородские драгуны 6 эскадронов, под начальством своего полкового командира полковника Шабельского.

Третья линия:

Херсонский гренадерский полк 3 батальона и легкая артиллерия 6 орудий, под начальством полковника Попова, командира Херсонского гренадерского полка.

Казачьи дружины под командою майора Грекова вне линии, с правой стороны, а грузинская и татарская дружины с левой.

Батальоны в колоннах к атаке отстояли один от другого на расстоянии развернутого фронта. Интервалы между линиями были в 200 туазов. Князь Мадатов командовал всею пехотою.

Дождевые воды, сбегая с окрестных гор стремительными потоками, избородили глубокими рытвинами поверхность равнины, по которой мы двигались. Вследствие этого, каждая позиция, избранная на ней, оказывается окруженною углублениями и рытвинами, иногда очень глубокими и настолько широкими, что неприятель может подойти незаметно под защиту пушечного огня. Такая пересеченная местность очень неудобна как для отступления, так и для преследования. Кроме того, она не дает хороших оборонительных позиций: если рытвина идет параллельно фронту, то она помогает, конечно, укреплению его, но в то же время облегчает и неприятелю обход позиции.

В двух верстах от лагеря мы остановились на высоте в намерении ожидать здесь нападения персидской армии. Наши [34] разъезды находились на расстоянии 1 1/2 вер. впереди, по ту сторону памятника, воздвигнутого персидскими властями в честь знаменитого персидского поэта Абул-Гассана-Низами, жившего в 12-м столетии по нашему летосчислению.

Авангард персиян не трогался с места. Обе стороны наблюдали друг за другом, не деля ни одного выстрела. Тщетно старались мы подметить какое-либо движение в неприятельской армии: она была недвижима. Командир Ширванского батальона подполковник Греков и я находились близ генерала Паскевича. Не дождавшись в течение целого часа наступления персиян, мы с Грековым пришли к заключению, что у Аббас-мирзы не хватает решимости и он, пожалуй, отступит, если мы сами не нападём на него. Опасение упустить такой хороший случай дало мне смелость сообщить генералу Паскевичу о наших предположениях. Я высказал при этом, что наши солдаты не привыкли держаться оборонительного положения и просил разрешения вести их в атаку, ручаясь, что они сделают чудеса.

— Вы думаете? спросил генерал.

— Да, ваше превосходительство, я в этом уверен. Вот мой товарищ, подполковник Греков, который вместе со мною ручается за успех.

— Который теперь час?

— Без четверти девять, отвечал я, посмотрев на свои часы.

— И так, идите с Богом! решил генерал.

Преисполненные радости, мы поскакали на свои места.

Скомандовав своей линии «Смирно! от ноги!», я подъехал к батальону ширванцев и сказал им сердечное слово: «братцы ширванцы, ступайте смело. Грузинцы за вами, не выдадут вас».

Линии тронулись.

Нас ожидали 18 сарбазских батальонов (по тысяче [35] человек в каждом), выстроенные в одну линию. Артиллерия (25 орудий) была расположена в числе 2-4 пушек по интервалам. Многочисленная кавалерия (от 20-ти до 25-ти тысяч коней) стояла по флангам, вытянувшись полукругом. По всей линии было разбросано до ста зенбуреков, или небольших пушек на верблюдах. Резерв состоял из двух пехотных батальонов, набранных из христиан, и личной конной гвардии Аббас-мирзы. Сюда же надо причислить и прислугу.

Левый фланг несколько отклонялся от общего направления, чтобы быть ближе к пути отступления.

Генерал Вельяминов во главе двенадцати орудий первой линии шел безостановочно вперед. Мы подошли уже на расстоянии пушечного выстрела, не выпустив даже ни одной ружейной пули. Наконец, по приказанию генерала Паскевича, артиллерия стала на позицию и открыла живой огонь. Первая линия, высланная вперед стрелковую цепь, держалась на одной высоте с 12-ю орудиями, для их защиты.

Вторая линия, шедшая, как уже было сказано, в расстоянии от первой на 200 туазов, имела возможность, за исключением двух крайних правых батальонов, удобно укрыться в складке, которую представляла местность на ее пути. Правый же фланг опирался на горный склон.

Регулярная кавалерия и третья линия были также довольно выгодно расположены.

Между тем сарбазы, с свойственным азиатским инстинктивным пониманием местности, воспользовались дождевыми промоинами для приближения к нашей батарее и обхода левого фланга первой линии. Отброшенные ими застрельщики отступили в некотором беспорядке. В тоже время персидская конница ударила на

нашу иррегулярную кавалерию и отогнала ее к вагенбургу. Таким образом, почти в самом начале сражения, мы были обойдены и отрезаны от наших сообщений. [36]

Во время отступления застрельщиков и иррегулярной нашей конницы, я находился на батарее у генерала Вельяминова. Отсюда заметил я колебание в моем крайнем левом батальоне, служившем мишенью для неприятельской артиллерии. Я сел на коня и поехал к нему. Действительно, положение его было очень незавидное. Неся потери от неприятельских ядер, эти 200 человек ждали с минуты на минуту сокрушительного натиска огромной массы кавалерии, которая окружила их после того, как находившаяся вблизи наша иррегулярная конница оставила свое место.

Но прежде, чем продолжать свой рассказ, я чувствую потребность отдать дань восхищения памяти храброго офицера, показавшего удивительное мужество в этот день и в эту минуту опасности. Я говорю о Вретове, поручике третьей роты моего полка. Год спустя, командуя другою ротою, он нашел преждевременную, но славную смерть в блестящем и жарком деле при Ордубате. Нельзя было не любоваться тобою и не удивляться тебе, мой бедный Вретов! Хвала твоей памяти.

Генерал Паскевич спокойно следил за движениями неприятеля. Обратив внимание на стойкость сарбазов под огнем нашей артиллерии и на искусство, с которым они воспользовались местностью для обходного движения, генерал находил (он сам сказал это впоследствии), что у них недоставало только хорошего вождя для общего наступления в удобную минуту.

Проезжая через интервал от одной линии к другой в сопровождении одного только адъютанта, генерал был окружен нашими татарскими всадниками, убежавшими от персиян. Его осанка и авторитетный голос произвели на них впечатление. Если кто-нибудь из них и явился сюда с коварным намерением, то не посмел привести его в исполнение.

Между тем, от опустошительного действия наших [37] орудий в движениях неприятеля стало обнаруживаться отсутствие связи. Сарбазы своим стремлением обойти нас все более и более растягивали свою боевую линию. Заметив это, генерал Паскевич приказал двум первым линиям ударить в штыки, чтобы прорвать центр неприятельского расположения. Приказание было немедленно исполнено. К этому времени я уже успел построить мой левый батальон из каре в колонну и отозвать застрельщиков. Заметив некоторую нерешительность в первой линии, я двинул колонну, которая бросилась как один человек с громким «ура»! Воодушевление передалось в первую линию, и она двинулась с таким же единодушием. Сарбазы встретили нас в упор беглым мушкетным огнем, но ничто не могло остановить наших храбрецов. Они шли, не отвечая на выстрелы.

Греков убит, я получил тяжелую рану. Персидская кавалерия обратилась в бегство, сарбазы рассеялись, но защищаются при отступлении. Генерал Паскевич направляет против них драгун, но их слишком мало, чтобы всюду поспеть, и мы не имеем конной артиллерии для их поддержки. Около тысячи сарбазов, отрезанные от армии, бросаются в горы. Князь Мадатов преследует их с карабинерами; генерал Паскевич посылает ему в помощь еще батальон херсонцев. Только после нескольких последовательных атак удалось, наконец, заставить сарбазов положить оружие и сдаться. Карабинеры потеряли при этом более тридцати человек.

Получив рану, я не позволил сбежавшимся солдатам оставаться около меня. Я удержал при себе только одного унтер-офицера и цирюльника. Врач Херсонского полка тут же извлек пулю и сделал перевязку. Меня перенесли в Курак-чай, где

остановились наши войска. Я очень страдал во время переноски, и если остался жив, то только благодаря особой благодати провидения.

Не могу точно определить нашу потерю, знаю только, что [38] число убитых и раненых не превышало трехсот. Убитые офицеры были только в Ширванском полку: кроме подполковника Грекова, он потерял еще капитана и поручика. Мы отняли у неприятеля четыре знамени, три орудия, шесть фальконетов, около 80-ти зарядных ящичков и 950 пленных. Кроме того, нам достались два лагеря на Курак-чае, в которых персияне провели ночь с 12-го на 13-е сентября. Урон неприятеля убитыми и ранеными неизвестен, но я думаю, что он не превышал нашего.

Так как я уже упомянул о доблестном Вретове, то должен привести также и лестный отзыв генерала Паскевича о Грузинском полку. Зайдя вечером ко мне в палатку справиться о моем положении, он, между прочим, сказал об атаке грузинцев: «никакой враг не устоит против такого натиска». Слова эти напомнили мне отзыв, сделанный четыре года раньше почти в тех же выражениях полковником артиллерии Копыловым, который был сам хорошим воином. Во главе трех рот грузинцев я взял тогда с боя окопы, возведенные джаро-белоканскими лезгинами в ущелье Каписдара. Копылов, бывший свидетелем дела, сказал мне: «против такой атаки не устояли бы даже французы!» Он участвовал в войнах против Наполеона.

На этом кончается мое участие в событиях 1826 года. Сдав полк, я отправился в Елизаветполь и затем в Тифлис для лечения раны. Таким образом, против моего желания, не присутствовал при последующих операциях этой кампании.

Остается пожелать, чтобы каждый из моих сослуживцев, принимавший участие в начальных военных действиях, сообщил о том, чему он был очевидцем. Без таких показаний история кампании 1826 года никогда не будет вполне известна.

Памятный день под Елизаветполем до сих пор не [39] оценен по достоинству. Между тем, в современной военной истории едва ли найдется такой подвиг, с которым не мог бы равняться елизаветпольский бой. Ни победы наших знаменитых полководцев над турками, ни битвы англичан в Индии и Бонапарта в Египте не могут затмить славы, приобретенной в этот день тем генералом, который блистательным делом под Елизаветполем открыл ряд своих бессмертных триумфов.

Материальный результат нашей победы был бы, конечно, гораздо значительнее, если бы мы имели лишнюю тысячу казаков и хотя бы одну полу-батарею конной артиллерии. Нет никакого сомнения в том, что в таком случае неприятель не спас бы ни одного орудия и, быть может, ни один сарбаз не ушел бы за Аракс. Но при тогдашнем положении нашем было неблагоприятно пускаться с одними драгунами в преследование пехоты, которая, далее и разбитая, была еще опасна по своей численности и храбрости. К тому же неприятельская конница, заметив драгун без пехоты и артиллерии, конечно, поспешила бы возвратиться для поддержания сарбазов.

Наша пехота простояла целые сутки на Курак-чае в ожидании прибытия вагенбурга, так как все повозки были взяты под раненых. Была еще и другая причина этой вынужденной стоянки: в пылу преследования солдаты побросали свои ранцы; пришлось с Куран-чая посылать их на поиски.

И так, едва мы столкнулись с татарами, как уже ни одного врага не осталось в пределах империи. Дух мятежа, охвативший дистанции, исчез совершенно. Депутация от джаро-белоканских лезгин, находившаяся при Аббас-мирзе, немедленно покинула его и поспешила в свою страну, чтобы остановить готовившееся общее восстание.

Устраняя тщеславное стремление украсить реляцию несколькими лишними трофеями, большего успеха нельзя было желать. [40]

Такими блестящими результатами Россия обязана, конечно, мудрым распоряжениям генерала Паскевича. Мы очевидцы этих достопамятных событий, сопровождавшие генерала на полях сражений, свидетели его спокойствия в опасности и неутомимости в труде, — мы первые дивимся величию его духа.

Необходимо прибавить, впрочем, что отряд, которым командовал генерал, состоял из лучших представителей храброй армии, с давних пор преисполненных сознанием своего превосходства и непобедимости. Отдельные начальники отличались выдающимися достоинствами. В числе их находились генералы Мадатов и Вельяминов.

Шамхорское сражение поколебало дух персидских войск. Нет сомнения, что и Аббас-мирза утратил значительную долю уверенности в самом себе и в своей армии, убедившись в непоколебимом мужестве Мадатова под стенами Елизаветполя.

Персидская война, окончившаяся, благодаря энергии и твердости императора Николая, славным для России миром, была истинным бедствием для закавказских провинций.

С некоторых пор благосостояние их заметно возросло, особенно в Грузии. Трудно представить себе чем был Тифлис в 1820 году, когда я впервые видел его, и пять лет спустя!

Повсюду царило спокойствие. Благодетельный указ, открывший черноморские порты для иностранной торговли, принес свои плоды. Земледелие, поощряемое правительством, делало быстрые успехи. Не было надобности привозить зерно и муку из России, так как потребности войск удовлетворялись местными средствами. Культура проникала повсюду, роскошь и удобства сделались потребностью домашней жизни. Как [41] казалось далеко то время, когда на танцевальных вечерах у Ртищева и Ермолова приглашенные должны были довольствоваться деревянными скамьями! Между тем, обе эпохи разделял промежуток только в несколько лет.

К сожалению, человеку свойственно скорее порицать, чем хвалить. Обыкновенно жалуются на недостатки, забывая оглянуться назад и посмотреть, что было и что есть.

Для укрепления преобразований генерала Ермолова был необходим долгий период мира, так как всякое улучшение затрагивает множество частных интересов. Я уже говорил о причинах волнений в дистанциях, обнаружившихся при появлении персиян. Для объяснения восстания прочих мусульманских провинций необходимо припомнить те способы, которые были употреблены для присоединения их к империи.

По гюлистанскому мирному договору шахское правительство уступило России свои права на закавказские ханства. Во время продолжительных войн наших с Персией почти все ханы оставались нашими верными союзниками; даже в наиболее критические минуты Россия имела несомненные доказательства их преданности. После заключения мира, когда миновала опасность подпасть вновь под персидское иго, ханы проявили склонность управлять своими владениями совершенно самостоятельно, не справляясь с нашими желаниями. Между тем, на России, как верховной властительнице, лежала обязанность блюсти за поведением ханов и не позволять им притеснять подвластных. Отсюда возникли постоянные препирательства, окончившиеся полным изменением характера отношений наших к этим мелким владетелям.

Генерал Ермолов понял, что такой порядок вещей не может далее продолжаться. Он решился покончить с полумерами при первом удобном случае.

Такой случай не замедлил представиться. В 1819 году скончался владетель Шекинского ханства [42] Измаил-хан-Домбул, не оставив прямых наследников. Генерал Ермолов без труда уговорил брата покойного отказаться от своих прав на наследство под условием назначения ему пенсии. Таким образом, Шекинское ханство досталось России. Три года спустя Мустафа-хан Ширванский покинул свое ханство и бежал в Персию с своим многочисленным семейством. За ним последовал и владетель Карабаха Мехти-Куди-хан в 1823 году. Оба ханства были присоединены к империи. Ко времени вторжения персиян в 1826 г. во всем Закавказье оставались только два ханские владения: ханство Талышинское и султанство Елисуйское. Джаро-белоканская лезгинская республика была почти независима от России; она платила только небольшую дань, но управлялась по своим обычаям без всякого контроля с нашей стороны.

Все ханства восстали. Иначе и быть не могло, если вникнуть в то положение, в которое мы поставили местное высшее сословие.

Генерал Ермолов знал, что война с Персией неизбежна. Во время пребывания своего в Персии он должен был убедиться, что персияне считают Гюлистанский мир только перемирием. Если, зная это, он все-таки решился изгнать ханов (в чем я его вполне одобряю) и не испугался перехода их на сторону наших врагов, то ему следовало озаботиться в то же время приобретением сочувствия влиятельного класса населения. Для чего необходимо было принять решительные меры к устройству и обеспечению положения высшего сословия.

Вместо того, генерал Ермолов дал понять бекам, что их интересы будут принесены в жертву крестьянам. Можно ли после этого удивляться тому, что бекские фамилии воспользовались своим влиянием на народ для возбуждения его против русской власти? Талышинский хан изменил нам из опасения поздно или рано подвергнуться участи своих соседей, а еще более из-за целого ряда оскорблений, нанесенных [43] ему ленкоранским комендантом. Чиновник этот, не достойный мундира, который он носил, понес впоследствии должную кару; но самое назначение его лежит пятном на управлении генерала Ермолова. Что касается Грузии, то я убежден, вопреки мнению некоторых лиц, что она не приняла бы участия в восстании. Не могу отрицать, что дворянство было очень недовольно, но крестьяне уже не находились более под его влиянием и утратили свои воинственные наклонности.

Примечание к стр. 5-й. 42-й Егерский полк, которым командовал полковник Реут, стоял в сел. Чинахчи, в Карабахе. За отсутствием князя Мадатова, находившегося на кавказских минеральных водах, Реут управлял мусульманскими провинциями. Части его полка были распределены следующим образом: две роты стояли в Шемахе; три роты тогдашнего усиленного состава (350 штыков в роте) с двумя орудиями занимали сел. Герюсы в Карабахе; остальные семь рот с четырьмя орудиями находились в Чинахче.

При первом известии о переходе персидской армии чрез Аракс, полковник Реут отступил из Чинахчи в Шушу и поспешил принять все меры к обороне. Здесь с горстью людей, он держался против всей армии Аббаса-мирзы, усиленной местным

мусульманским населением. Странно, что генерал Ермолов приказывал Реуту оставаться в Чинахчи, когда ему из личного осмотра были известны неудобства этой позиции, окруженной горами, доступными для неприятеля. Еще страннее то, что Реуту не было приказано притянуть к себе три роты из сел. Герюсы прежде, чем они были отрезаны от Шуши. Вследствие этого около тысячи человек с знаменем, командиром и всеми офицерами попали в плен к персиянам. Командир этого батальона подполковника Назимка, участник итальянского похода Суворова, был человек храбрый, но ограниченный и упрямый. Сознывая необходимость отступление в Шушу горною дорогою, еще не [44] занятою неприятелем, он хотел непременно взять с собою оба орудия и обоз. Между тем, подъем на гору при выходе из селения был так крут, что подниматься приходилось ползком. Взобравшись на гору, Назимка наткнулся на местных жителей, перешедших на сторону неприятеля. Он вступил с ними в перестрелку и пустился их преследовать. Таким образом, было бесполезно потеряно драгоценное время. Несчастные егеря, изнуренные и умирающие от жажды добрались, наконец, до крутого спуска к мосту на реке Акера. Здесь пришлось-таки бросить орудия и повозки, так как персияне овладели мостом и заняли опушку леса, покрывающего левый берег реки.

Не имея ни сил, ни возможности защищаться, потеряв всякую надежду на спасение, егеря бросились к воде, чтобы утолить невыносимую жажду. Персияне брали их и убивали, не встречая малейшего сопротивления.

Ленкорани находился в то время так называемый Каспийский морской батальон под командою майора Ильинского, который был вместе с тем ленкоранским комендантом и правителем Талышинского ханства. Батальон отступил на остров Сари без тех значительных потерь, которые можно было ожидать.

В Баку пребывал военный начальник Дагестана ген.-майор Краббе. В его распоряжении находились Апшеронский полк в Кубе и Куринский полк с двумя ротами артиллерии в Дербенте. Баку имел свой гарнизонный батальон. Апшеронцами командовал заслуженный воин полковник Мищенко, куринцами подполковника Дистерло.

(пер. Е. В.)

Текст воспроизведен по изданию: Персидская война. Кампания 1826 года, из записок графа Симонича // Кавказский сборник, Том 22. 1901